

Виктор Гюго в Детиздате

В прошлом году Детиздат выпустил довольно большое количество книг по западной литературе в обработке для детей. Это, главным образом, произведения классиков, сказки — книги, давно уже вошедшие в золотой фонд детской литературы.

Нет нужды много говорить о том, какую роль должна сыграть эта серия в воспитании юного читателя.

По книгам, выпущенным Детиздатом, советские дети будут впервые знакомиться с мировой литературой, искать и находить образы близких себе героев, формировать свой характер, расширять свой умственный кругозор и, наконец, приобретать вкус к чтению, драгоценную привычку к постоянному общению с художественными произведениями. Книги этой серии должны быть образцовыми и по внешнему оформлению и по качеству переводов.

Последнее обстоятельство особенно важно и налагает на переводчика и редактора большую ответственность. Перевод должен быть исчерпывающе точным, не искажающим и не «поправляющим» оригинал.

Перед нами две книги, вышедшие в 1940 году в Детиздате, рассчитанные на разные возрастные группы. Эти книги являются переводом-переработкой известнейших эпизодов романа В. Гюго «Отверженные», связанных с именами Козетты и Гавроша, и представляют собой попытку передать в связной форме историю детства Козетты и героического подвига Гавроша.

Вместе с тем, они преследуют цель, сосредоточив внимание читателя на детских характерах, так тщательно и так тонко выписанных Гюго, сохранить все особенности самого повествования.

С самого начала следует сказать, что эти задачи выполнены авторами обработки Н. Шер и С. Чацкиной не одинаково удачно. Автор перевода-обработки «Козетты» Н. Шер с большим тактом подошла к самому литературному материалу, сделала основным психологическим конфликтом книги отношения Козетты с ее хозяйкой мадам Тенардьё и превратив свирепую трактирщицу в одно из главных действующих лиц рассказа. Учитывались при этом и особенности детского восприятия, для которого обилие действующих лиц затруднило бы понимание.

Однако, передавая в экспозиции книги обстановку трактира, отношение его обитателей к «Жаворонку» — Козетте, разницу в социальном положении сироты-служанки и хозяйских детей, Н. Шер не всегда достаточно ясно мотивирует развитие сюжета.

Превращение одного из главных героев «Отверженных», Жана Вальжана, в загадочного незнакомца, неожиданно появляющегося и неожиданно спасающего Козетту, оправдано стремлением автора переработки дать законченную сюжетную схему. Это придает рассказу оттенок сказочности, не нарушая его смысла. Но в остальных случаях обработка сюжета страдает существенными недостатками. В «Козетте» — книге для детей дошкольного и младшего возраста — каждая деталь сюжета должна подготавливать и объяснять другую. Если этого не будет, то ребенку придется о многих вещах только догадываться. Ответа на свои догадки в книге он не найдет. Естественно, что у юного читателя останется чувство досады и неудовлетворенности, которое значительно ослабит впечатление, полученное от чтения. В самом деле, неясно, почему Козетта — единственная служанка в трактире Тенардьё; неизвестно, чем вызвано бессердечное обращение супругов Тенардьё с Золушкой — Козеттой; неизвестно, почему ей нужно плестись за водой далеко в лес, хотя соответствующий ответ дан в подлиннике (глава «Вопрос о воде в Монтфермейле»); непонятно, где происходит действие: Н. Шер усердно называет Монтфермейль деревней, хотя по описаниям это, скорее всего, городок.

Чтобы избежать всех этих досадных недоговоренностей, Н. Шер следовало бережно сохранить все мотивации, имеющиеся у Гюго в соответствующем эпизоде романа. От этого книга только выиграет.

Не переданы и особенности языка Гюго. Фраза Гюго потеряла в своей выразительности и, к сожалению, в своей точности.

Потеря точности проявилась двояко: в изменении психологических характеристик персонажей и в не совсем правильной передаче самого подлинника. Госпожа Тенардьё — личность достаточно неприятная, все же излишне огрубляется переводчицей. Например, там, где госпожа Тенардьё говорит: «mamselle s'apraud»,

Н. Шер пишет: «Слушай ты, жаба», и т. д. Или, когда Козетта остается одна в лесу и, колеблясь, боится идти дальше за водой, не нужно было ослаблять ее ужас перед хозяйкой, заставивший Козетту бежать в глубь леса.

«Девочка жалобно посмотрела назад, потом вперед. Что делать? Как поступить, куда идти?.. Перед ней — Тенардьё, позади нее — мрак и лес. Козетта повернулась и бросилась бегом по дороге к источнику». Между тем, из подлинника ясно, что Козетте представился страшный образ госпожи Тенардьё, и это именно обратило ее в бегство. Неверно передана интонация Жана Вальжана, просящего трактирщицу разрешить Козетте поиграть: «Сударыня, — робко сказал он, — ну, пусть она поиграет». В подлиннике эти слова звучат так: «Madame, dit-il en soupirant d'un air presque craintif, bah! Laissez la jouer», что должно означать в данном случае: «...сказал он, улыбаясь почти заискивающе...». Заискивание Жана Вальжана, отнюдь не робкого человека, перед трактирщицей объясняется его нежеланием раньше срока раскрыть свои карты и обнаружить свой интерес к ребенку.

Выражение одного из посетителей трактира: «Il fait noir comme dans un four», передано таким образом: «Темно, как в яме», хотя следовало бы сказать: «Темно, хоть глаза выколи», «темно, как в печи». Французское «grand pain» Н. Шер передает как «большой хлеб». Следовало бы перевести «каравай хлеба».

Если «Козетта» и сохраняет свою ценность для детского чтения, то главным образом потому, что автор переработки стремился не отрываться от подлинника, и часто сам подлинник, так сказать, «вывозил» Н. Шер, удерживая ее от неверного тона и неверного распределения света и тени в обрисовке персонажей. С уверенностью можно сказать: там, где Н. Шер близка в тексту, рассказ сохраняет свое обаяние. Там, где отсутствует эта близость, рассказ становится крайне бледным.

С «Гаврошем» дело обстоит хуже. В этой книге переводчик ушел дальше от текста, что отрицательно сказалось на обработке.

Эпизоды романа «Отверженные», связанные с Гаврошем, ставят в трудные условия автора обработки для детей младшего возраста.

Гаврош — дитя улицы, классический тип парижского гамена: бесцельные шалости и рискованные шуточки в духе не очень сдержанных нравов большого города; вместе с тем, — ясность социальных симпатий и антипатий, инстинктивная неприязнь к власти имущим, детская наивность и непосредственность, совсем недетский жизненный опыт и, наконец, неисторченность и душевная чистота. Для того чтобы в пересказе сохранить цельность этого характера, автору обработки нужно было подметить основное в нем — свободное — и показать, как естественно Гаврош идет к своему подвигу на баррикадах. Эту черту Гавроша нужно было пе-

редать во что бы то ни стало. Но автор переложения, С. Чацкина, даже не пытается сохранить психологический облик Гавроша, как он дан у Гюго. Она механически соединяет разрозненные эпизоды биографии Гавроша и этим ограничивается. При таком методе обработки ни о каком единстве характера не может быть и речи.

В сущности, в книге есть три самостоятельных эпизода: описание гаменов, Гаврош и малыш, Гаврош на баррикаде.

С. Чацкина часто забывает даже развить до логического конца тот или иной эпизод, взятый ею у Гюго. Например, бдительный Гаврош заметил на баррикаде шпиона и ставит об этом в известность начальника баррикады:

«— Видите вы этого верзилу?»

— А что?

— Это сыщик.

— Ты уверен?

— Говорят вам! Неделю назад он стащил меня за ухо с перил моста.

Мальчуган отдал честь по-военному и убежал...» — Что случилось с шпионом? — Наверняка спросит ребенок. Что с ним сделали? Ответа на эти вопросы он не получит. Юный читатель так и не узнает, что бойцы на баррикаде задержали шпиона, схватили ему глотку, бросили на землю, связали и обыскали». Приведенное место типично. Почти вся книга состоит из таких обрывочных, бессвязных происшествий, смысл которых выхолощен автором переработки.

Свободолюбие Гавроша, так настойчиво подчеркиваемое Гюго, также настойчиво вытравляется. В начале рассказа о Гавроше сказано: «У него не было ни крова, ни хлеба, ни огня, никто его не любил. Но он был весел». И пропущена такая важная фраза: «потому что он был свободен» («parce qu'il était libre»).

Храбрость Гавроша проявляется в мелочах; эта важная черта его характера в переводе исчезает.

Гаврош просит себе ружье:

«— Когда у всех мужчин будут ружья, их дадут и детям», — говорит ему один из революционеров (в подлиннике Альжонрас). И следует великолепный ответ: «Gavroche se tourna fièrement et lui répondit: si tu est tué avant moi, je te prends le tien» («Гаврош гордо повернулся к нему и ответил: если тебя убьют раньше, чем меня, я возьму твоё ружье»).

Переводчик передает это место так:

«Гаврош гордо отвернулся и сказал...» Совершенно не та интонация. У Гюго — резкость, порыв, смелость. У Чацкиной — капризность, обидчивость.

Помимо всего прочего, Чацкина делает Гавроша более грубым, чем он есть на самом деле.

Язык Гавроша излишне модернизован. Этот парижский гамен изъясняется так:

«— Что вы дурака валяете?»

Так вы потеряли родительницу?

Молчи и дрыхни», и т. д.

Вообще язык всей книги оставляет желать лучшего. Фраза Гюго потускнела, потеряла свое обаяние. С. Чацкина пишет:

«Рабочие подперли бочку и телегу огромными грудами песчаника». Мост у Чацкиной имеет карнизы. Утачив у пьяницы-разносчика тележку, он продельвает с ней странные вещи: мало того, что он бегаёт, «толкая перед собой тележку с победоносным грохотом»; попавшись в лапы к правительственным войскам, Гаврош для собственного спасения «мгновенно превратил тележку в боевой снаряд и изо всей силы бросил ее в офицера. Тот упал навзничь в лужу». Этакий Илья Муромец! У Гюго Гаврош просто толкает тележку под ноги сержанту. Особенно недоверчиво отнесется юный читатель к уверениям т. Чацкиной, когда он увидит на приложенной картинке тележку весьма внушительных размеров.

Нередко т. Чацкиной приходится давать свой текст, связывая воедино части рассказа. Вот что при этом получается:

«В это время в Париже начинались большие события. Измученные нищетой и непосильным трудом, рабочие, ремесленники, всякий мелкий люд готовились восстать против правительства. В правительстве сидели банкиры и фабриканты. Они заботились только о своей выгоде, их не трогало то, что народ терпит нужду и голод».

В других случаях С. Чацкина выдергивает из текста Гюго отдельные фразы и

чередует с собственными вставками, вроде приведенной выше. Эти вставки, написанные вялым, бледным языком, ни в какой мере не выполняют своего назначения.

Все сказанное свидетельствует об одном: в Детиздате еще недостаточно серьезно подходят к такому важному и ответственному делу, как издание и переводы классиков для детей. И недооценивают воспитательное значение этой работы.

Факт неудачной обработки «Гавроша» позволяет поставить принципиальный вопрос: возможно ли «приспособить» для детей младшего возраста все эпизоды романа, связанные с Гаврошем? Целесообразна ли попытка давать Гавроша в урезанном, измененном виде? Все величие и красота, все воспитательное значение этого характера пропадают. Остается странный паренек, который будет непонятен читателям младшего возраста.

История Гавроша более доступна старшему возрасту. Для детей 12—14 лет он сможет стать настоящим героем. Не лучше ли ознакомить молодых советских читателей с «Отверженными» более полно? Нам кажется, Детиздат поступил бы правильнее, издав сокращенный перевод «Отверженных», вместо плохо и неумело сделанной обработки.

А Л. А Б Р А М О В

Секреты успеха Луиса Бромфилда

Луис Бромфилд, пожалуй, один из самых модных сейчас писателей в Америке. Его книги — всегда «бестселлер», его популярность колоссальна. Не так давно его книги выходили даже одновременно и в Нью-Йорке и в Лондоне.

Бромфилд — очень плодовитый писатель. Он написал уже пятнадцать томов — романов, повестей и рассказов. Два года назад нью-йоркское издательство Харпер выпустило его «омнибус» — объемистый однотомник, самым названием («It takes all kinds») подчеркнув, что автор, так сказать, владеет «всеми жанрами». Книга эта дает исчерпывающее представление о Бромфилде.

Он увлекательный рассказчик, умеет щегольнуть оригинальностью ситуации, ловким сюжетным трюком, неожиданным

поворотом фабулы, эффектной необычностью обстановки, пейзажа, декорации. Бромфилд — типичный глоб-троттер, объехавший по меньшей мере половину Европы и Азии. Города и местности, упоминаемые им, находятся в самых различных уголках карты мира. Иногда это — Америка, деловая сутолока Манхэттена, сонная одурь марквэнзовской провинции, иногда — Европа, тротуары Ниццы, пляж Биаррица, а порой — Восток, экзотика тропиков, Цейлон, Индия, девственная глушь малайских лесов. Мир Бромфилда и широк, и разнообразен, и ограничен, и убог в то же время, — типичный мир празднующегося туриста. Что видит такой турист? Пейзажи с паровой палубы, портовую экзотику, собеседников из салона первого класса, завсегдаев приморских курортов. У Бромфилда есть рассказ под названием «Девушка, знавшая каждого», открывающий нам уголок того

¹ «It takes all Kinds» by Louis Bromfield, Harper and Brothers, 1938, pp. 690.